

Серик
Байхонов

СТРАННИК, ИЩУЩИЙ НЕВЕДОМОЕ

Эссе

В конце жизни хотелось бы сказать о том, чего не успел...

Георгий Гребенщиков

ПРОЛОГ. НАЧАЛО ПУТИ

Зима 2009–2010 года в промышленном городе, окруженном со всех сторон высокими горами, выдалась, как обычно, морозной и снежной. Многочисленные заводские трубы, круглосуточно извергающие в небо тонны ядовитого дыма, плюс нескончаемое количество автомобилей на городских улицах сделали свое дело: все вокруг окутал густой, вперемежку с дымом, туман, местами даже скрывающий невысокие сугробы. Из-за снегопада, который не прекращается уже больше месяца, деревья еле выдерживают накопившиеся на ветвях массы снега, низко провисли электрические провода. В звенящей тишине отчетливо слышны шаги немногочисленных прохожих, что осторожно пробираются по тротуарам, превратившимся в настоящие катки.

О чем только не думает человек, вот уже несколько дней сидящий дома один и наблюдающий за всем происходящим на улице через окно, стекла которого разрисовал причудливыми узорами мороз.

Человек как я, уставший от повседневных забот и одиночества на протяжении длинных зимних дней и ночей, начинает невольно перебирать в памяти страницы прошедших времен. Так и хочется заново прокрутить воображаемую киноленту, выделить и подвергнуть тщательному анализу и самые важные, и не очень моменты. В конце концов можно удовлетворить любые капризы, а вот как достигнуть глубины мыслей, уводящих тебя в бесконечность? Не выдержав давления замкнутого пространства, куда в такие зимние дни ограничен даже доступ воздуха, и не дающего покоя роя самых различных мыслей, которые застряли в извилинах мозга, спешешь выбежать на улицу – на свежий воздух, где день приветствует тебя всем разноцветьем красок. Резкая перемена обстановки действует настолько, что ты невольно останавливаешься, как вкопанный, ошалело поворачиваешь голову, разглядывая спешащих по своим делам прохожих. Куда спешат, зачем спешат – кажется, это неведомо не только мне, но и самим этим людям...

В памяти слова народной песни: «Жизнь как долгая и извивающаяся дорога». Разве ты можешь знать, где начинается жизненный путь, полный поворотов и изгибов? Никому из смертных неведомо также, где, в каком месте ждет его конечная остановка, а где и вовсе конец его земного пути.

Вот уже пятнадцать лет, как я, выросший в западной части Казахстана, живу в этом небольшом городе на востоке страны, затерянном среди высоких гор. Для того, кто не привык сидеть на одном месте не то чтобы месяц, но иногда и неделю, это конечно, большой срок. Немало ко мне было и вопросов типа: «Как ты, южанин оказался в наших краях?» Для подобного мне человека, весьма обидчивого, вопрос, конечно, непростой. Если бы я знал, разве стал бы неделями и даже месяцами пропадать в затерянных уголках Алтая?..

Если подсчитать хотя бы примерно, то выходит, что только за последний год я проехал более пятидесяти тысяч километров. Пятьдесят тысяч... Получается, я обошел земной шар вдоль экватора полтора раза. А если вы учтете, что путешествую я по земле более тридцати лет, то сможете понять мою натуру хотя бы приблизительно.

Не могу для себя объяснить одной вещи. Помнится, во время прошлогоднего путешествия по маршруту Усть-Каменегорск – Жетысай, общей протяженностью около пяти тысяч километров, я побывал на Чардаринском море, которое по-особому мне близко. Странно, но в тот свой приезд я почему-то не испытал трепета при виде широкой водной глади, вдруг открывающейся перед путником после долгого пути по барханам. А вот на обратном пути, подъезжая к Алтайским горам, начал испытывать сильное волнение, достигшее своего апогея, когда я вновь увидел вершину Айыртау... А при виде Бухтармы... Казалось бы, и Чардара, которая находится посреди пустыни, и Бухтарма, расположенная у подножия Алтая, – моря рукотворные. Быть может, за долгие годы, что я ездил по таким искусственным морям и искусственным городам (которые существовали-то, пока в окрестностях не заканчивалась добыча подземных ископаемых), сердце мое понемногу стало привыкать ко всему искусственному?..

Что может знать о ценности воды человек, который родился и вырос у реки, мальчишкой бегал по прибрежной отмели, шлепая босыми ногами по берегу и поднимая высоко в небо брызги живительной влаги? Это, конечно же, сказано про меня. Точно так же не может оценить горы тот, кто с самого рождения ежедневно видел высокие горные пики, теряющиеся в облаках, и взбирался по склонам, получая раны и порезы от острых камней, ежеминутно подвергая себя опасности сорваться в пропасть. Это о тех моих соплеменниках, кто родился и живет на Алтае.

Что же касается конкретно меня, то почти рядом с моим аулом была и река, были и горы. Хотя с некоторой долей сожаления должен признать, что бурная река, которую люди, проживающие на ее берегах, испокон веков называют коротко – Сыр, течет не у самого аула, а километрах в десяти от него, а величавый горный хребет Карамурин, что тянется на многие сотни километров, резко обрывается именно возле нашего аула.

Из далекого детства остались светлые воспоминания о том, как мечтал в изнуряющую жару искупаться в мутной воде Сыр – Сырдарьи, которая прячется в густых зарослях джиды и других кустарников, или окунуться в ледяную воду родника в горах Каратау-Карамурына.

Никто, кроме меня, не может с уверенностью сказать, когда началось мое большое и малое путешествие и когда оно закончится. Но нет сомнений в том, что началось оно именно в этих местах – на берегу величавой реки и у подножия древних хребтов.

С возрастом все чаще стал обращать внимание на слова некогда популярных песен, в которых поется о неповторимой красоте Семиречья и великих горах Улытау. Еще в школе наизусть заучивали песню-плач великого старца Жамбыла, оплакивающего своего сына Алгадая и верящего, что он найдет его, обогнув горы Алатау. Затем пришло время песни «Алтын алқа», то есть «Золотой талисман», – о вечной красоте Алтая. Кажется, мы тогда были уже в том возрасте, когда не удовлетворяешься только услышанным, а хочется увидеть всю эту красоту своими глазами.

Как всегда бывает, со временем некогда недоступные горы Каратау стали привычными, а потом пришла пора воочию увидеть величавые вершины Заилийского Алатау, о которых написано немало книг и сложено немало песен. Затем мне предстояло не просто увидеть, но и обойти вдоль и поперек весь Горный Алтай. Лишь после того как своими глазами увидел знаменитую Небесную гору – Аспантау, вершины которой уходят высоко в небо, а также Тянь-Шань – Еренкабырга и гору Кап-Каз, и в самом деле напоминающую мешок, показалось, что на какое-то время в моем сердце воцарились покой и удовлетворение.

Но откуда мне было знать, что успокаиваться еще очень рано. Я тогда посчитал, что полностью объехал Алатау. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что эти седые горы состоят из шести исполинов – как их называют в народе, шести братьев. Это Джунгарский Алатау, Заилийский Алатау, Таласский Алатау, Южный, Северный Алатау и Кокшал. А Алтай (да, Алтай!), как оказалось, это шестьдесят отдельных гор. Получается, столько лет, вместо того чтобы погрузиться в глубины волшебной реки – реки Познания, я лишь плавал на ее поверхности.

Самое же интересное в том, что мы с вами листаем книги, сидим за компьютером, блуждая по Всемирной паутине, а наши предки сотню, тысячу лет назад обо всем этом прекрасно знали. Это они открыли Ледяную гору – Белуху, назвав ее Центром Земли. Поэтому Алтай во все века считался для многих людей общим домом.

Стало быть, мы идем по следу далеких предков, которые первыми приблизились к Истине.

Стало быть... Это...

ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ К ПОЗНАНИЮ

1

Чего много сейчас в моей комнате – так это бумаги. И не простой разноцветной бумаги, а пожелтевших, с ободранными краями старых газетных подшивок. На письменном столе лежит не менее старая, с выцветшими страницами книжка в тонком переплете голубого цвета. Автор книги «Степные узоры» – Георгий Гребенщиков. Родился он на Алтае, однако стал известен миру благодаря своим многочисленным странствиям. Это тот самый странник, который всю свою жизнь провел в неустанных поисках неизведанного и которому я поклоняюсь, поскольку путешествиям посвящена и моя жизнь.

Несмотря на тонкий переплет этой книжки и то, что страницы ее давно уже выцвели, для меня это очень ценная реликвия, поскольку выпустил я ее в нелегкое время, когда обесценивался не только писательский труд, но и все, что было написано. И потому как все, что досталось мне тогда от наследия известного писателя, – это несколько его небольших произведений. Я успел ознакомиться лишь с малой частью его творчества, когда меня заинтриговали первые поиски

Странника на пути Познания. И поэтому, кажется мне, лучше будет начать все с самого начала.

...Первые поиски Егорки – героя короткого автобиографического рассказа «Первое путешествие в Горный Алтай» начинаются так:

«Начались лазурные, незабываемые дни. Все дышало смолами, цветами, чистым ветерком. И улыбались нам холмы, луга и пашни. Узкая колея дорожка все капризнее виляла по склонам гор, все чаще забиралась на высоты, все круче падала в долины. Наконец пошли густые перелески, и наш обоз то приближался к берегу реки, то удалялся от нее куда-то в сторону. И с каждым выездом на берег река Уба все опускалась ниже между крутых гор, то и дело прячась в глубокой, извилистой долине.

Бывало, день нахмурится, налетит туча, прольет дождь, и по липкой, жирной грязи обоз наш тяжело одолевает целые полдня какой-либо подъем. Слабые лошади не могут вывезти своей поклажи, некоторые срывают себе плечи. Где-то сломались оглобля или колесо. Тогда весь обоз надолго останавливался и нас настигал вечер на опасном склоне. Все мокрые и грязные, на скользком косяке весело и шумно, с шутками и смехом кое-как устраиваются на ночлег... Подседельник – постель, седло подушка и верхняя одежда – покрывало...»

Вот так. Я понимаю, для того чтобы увидеть улыбку на лицах путешественников, находящихся на голой вершине обрыва и ежесекундно подвергающихся смертельной опасности, нашему путнику должно быть всего двенадцать лет. А что в такие минуты творилось в сердце двенадцатилетнего подростка (да, не ребенка, а подростка), а не его галдящих спутников? Потому как «...всем снова делается беспричинно радостно, и новый день похода, новые трудности, опасности и одолевание высот кажутся заманчивыми, как веселая игра...» Да, да, всего лишь веселая игра!

Как видите, со временем каждый миг нашего далекого детства начинает казаться нам интересной и веселой игрой. Однако, судя по автобиографическому произведению нашего путника «Из моей жизни», жизнь его была не такой уж беззаботной и интересной.

Но наш путник-подросток и здесь остается оптимистом.

«...Никогда мне не приходилось жалеть о том, что давно минуло детство, отрочество, юность. Может быть, это потому, что я один из тех немногих, которые считают свое настоящее самой счастливой порою, как бы ни была она омрачена действительною тягостою жизни...»

А может быть, причина моего оптимизма заключается в том, что, во-первых, вокруг себя я вижу столько людей, более меня несчастных, а во-вторых, постоянно верю в законы равновесия: за все полученные огорчения мы в свое время получим свою радость, а за радость мы должны платить наличными. И чем больше у нас в долгу Дающий, тем радостнее ожидание грядущего. Да, я считаю жизнь мою действительно счастливой, и, может быть, поэтому мне чужд острый пессимизм, как и чужда жалость к людям, не умеющим сделать свою жизнь красивой, несмотря на то, что в их руках было гораздо больше возможностей, нежели в моих».

Новый день... И новые и старые проблемы. Все мы когда-то были детьми и потому понимаем – для того чтобы на любые трудности смотреть через призму «детской игры», нужно иметь детское сердце. И потом... Искренняя любовь к окружающему тебя миру и окружающим тебя людям. Начало пути, ведущего к аулу Познания. Первое путешествие по пути Познания Гражданина Мира, который со своим начальным образованием сумел не затеряться в этом мире развития, а добился того, что стал преподавателем философии в далеком американском университете...

Вот где лежат корни оптимизма нашего странника.

Помнится, в начале шестидесятых годов прошлого века, названных периодом оттепели, в казахоязычных литературных изданиях нет-нет да и мелькало имя писателя Григория Гребенщикова. Судя по слогу и построению предложений – уроженец Алтая. Однако его проза звучала в душе лучше иных стихов, чем и осталась навсегда в моем сердце. Я уже в эти годы начал чувствовать, что в казахское художественное слово особую теплую волну внесла загадочная душа с трудно произносимой для казаха фамилией. Причем его слог был похож на почерк представителей тогда еще молодой волны казахской литературы Калихана Искака и Оралхана Бокея – тоже уроженцев Алтая.

К сожалению, дни оттепели оказались весьма короткими, а имя писателя, вся жизнь и творчество которого были принесены в жертву беспощадной идеологической войне, вновь было предано забвению. Хотя многие понимали, что это еще один факт несправедливого обращения с человеком, чье имя вошло в список ста деятелей, внесших наиболее ощутимый вклад в развитие мировой культуры.

Я же начал поиски новых произведений этого знакомого и в то же время незнакомого автора, со страниц которых так и веет ветрами Алтайских гор и которые зовут познать непознанное. Тщетно. Оказалось, не то чтобы не читали книги, но и имя этого писателя для многих было неизвестно. Ладно, если бы это были простые читатели, но среди этих людей были и представители интеллигенции – знатоки литературы. Даже те, кому было известно это имя, искали его корни то у русских, то у алтайцев или калмыков. Были и такие, кто говорил о заокеанском происхождении писателя.

Большинство героев произведений, прочитанных мной, – казахи; от рукописей, написанных около ста лет назад, так и веет густым горьким дымом, который поднимается к деревянному куполу казахской юрты – шаныраку.

Спустя время некоторые сведения о нашем страннике нашлись на Алтае, причем российском Алтае. От людей, поддерживающих связь с заграницей, услышал, будто бы родственники доставили из-за океана сорокатомный сборник собраний произведений Гребенщикова. За много лет журналистской и писательской работы привыкший к неожиданным командировкам и дальним путешествиям, тут же собрался в дорогу. А дорога предстояла непростая – к центру Алтайского края, в город Барнаул.

Выяснилось: не только мы являемся странниками, ищущими неведомое. Алтайцы уже с первых дней дали понять, что нашлись близкие нашего странника, который волею судьбы всю жизнь провел на чужбине и до конца дней мечтал вернуться в родные края. Несмотря на то что я всегда стремился относиться к подобным ситуациям философски, все же меня точил червь сожаления, что здесь я явно опоздал. Жаль... Я понимал, что за это дело нужно было браться еще в девяностых годах, когда я находился на обратной стороне земного шара – в Америке.

Жаль, конечно, но я все время пытался себя успокоить мыслью, что Георгий Гребенщиков – достояние не только алтайцев и казахов, но и всего человечества. Хорошо уже то, что эта загадочная личность оказалась именно тем, кого мы искали, – именно нашим странником, и главное – путешествия нашего путника в мир Познания начались со его родной земли.

Итак... Наш путник-странник Георгий Гребенщиков, делающий свои первые творческие шаги, сто десять лет назад начинает с исследования родных Алтайских гор, состоящих из шестидесяти братьев. Судя по путевым запискам, опубликованным в тоненькой голубой книжке, эти первые шаги путешествия дались не очень легко.

«Давно уж без дорог, без цели, я брожу по полинявшим, полусгнившим прошлогодним ковылям и все хочу себя уверить, что я не русский, что я не знаю чудес своего века, ни несчастий своей родины... Что не охотник с ружьем и сумкой за плечами, ранним утром вышедший из убогой деревеньки новоселов, что не в канун святого дня христианского, брожу я по степи, но будто я человек без имени и звания, извечно дремлющий с открытыми глазами, бесцельно блуждающий от дня творения по земле и ждущий пробуждения Бога, пробуждения всего, что сотворил Он..., ждущий воскресенья Жизни и славы ее Творца...

Я иду равниною степи один, иду куда хочу: на юг, на запад, на север и на восток и радуюсь тому, что я один, что я свободен, что я странник, Божий раб, не помнящий ни родины, ни рода и живущий задолго до Рождества Христа...»

Ну что ж, пока что наш странник еще не знает, кто есть он сам, нет у него каких-либо планов и задач. Кто он, человек, странствующий по странам и землям? Быть может, это обычный дәруиш – дервиш. Для того чтобы быть названным странником-путешественником или хотя бы простым туристом, человек должен же поставить перед собой определенную цель, планы?

Вот так-то... Пока что мы не знаем, кто он, что он ищет и почему он ищет?... Чтобы узнать, нужно познать Корни. Быть может, нужно найти Познание?..

3

Вот так и началась моя работа по изучению «странника, ищущего неведомое».

Человек, который подробно, с начала до конца ознакомится с богатейшим наследием Георгия Гребенщикова, еле вместившимся в сорок томов, сердцем ощутит все его усилия на пути Познания. Впрочем, Познание в этом понимании никак не входило в рамки понятий Традиции и Образования. Это Познание, которое можно ощутить лишь при наличии глубокой интуиции. Настоящее – Познание Языка, Познание Религии, Познание Внутреннего мира человека...

Говоря о Познании, имею в виду глубокого, как море, Абая и гордого, как горы, Льва Толстого, творчество которых оттачивалось на протяжении десятилетий и в конце концов возвело их в ранг пророков, что позволило им познать порог полного самых загадочных тайн мира. Нелегкая, тернистая тропа, начавшись с познания Внутреннего мира человека, заканчивается познанием Религии... Разве может человек, не вступивший на эту тропу, преодолеть рамки Традиций и Знаний?..

В Барнауле брат-алтаец при прощании объяснил, что может позволить мне лишь посмотреть на то сокровище, которым они теперь обладают, но никак не отдать его мне в руки. Делать нечего, пришлось ограничиться тщательным просмотром наших «Простора» и «Нивы», а также изданий, выходящих небольшими тиражами в Барнауле и Новосибирске. И все-таки есть... Большинство, конечно же, отрывки. Люди, проявившие интерес к творчеству писателя, нашлись и в Усть-Каменогорске. Мы не смогли достать семитомную эпопею «Чураевы» и потому ограничились тем, что объединили имеющиеся у нас ранние произведения писателя и издали два сборника.

Вот и сейчас я продолжаю листать изданную мной же тоненькую голубую книжицу. Книга, повествующая о горах и их жителях, называется «Степные узоры». Секрет в том, что путешествие писателя, завершившееся на алтайских перевалах, начиналось все-таки в степях.

В путевых записях нашего странника рассказывается о том, какими невероятными трудностями сопровождалось путешествие по многочисленным степным

тропам и высокогорным алтайским перевалам. Плюс к этому снежные вершины Алтая, что словно подпирают небо, оказались слишком высоки, а пропасти, которые встречались на перевалах, – слишком глубоки.

«...Да и стоит он на земле как раз посреди самого большого материка в самом центре Азии, распростерши свои хребет-крылья: правое – через Саяны и Байкал к соединению океанов Тихого и Ледовитого, левое – через Тянь-Шань и Памир к священным Гималаям и к соединению морей Каспийского и Черного Юго-восточные склоны его уходят в Монголию, Китай, Тибет и Индию, а северо-западные простираются через всю Сибирь к Ледовитому океану и Уралу. И семнадцать вестниц – семнадцать алтайских сестер – великих горных рек шлет он на равнины сибирские, чтобы наполнить непрерывной и извечной глубиной три величайшие реки – Иртыш, Обь и Енисей... Девять главных высот в разных концах Алтая возвышаются, сверкают вечными снегами, а именно хребты: Катунский, Чуйский, Чулышманский, Сайлюгемский, Нарымский, Коргонский, Ивановский, Холзунский и Абаканский».

После того как нашел те горы, что искал, узнал о прилегающих к ним районах и их названиях, наш странник начинает подробно разъяснять особенности горных склонов и вершин.

«Но всего на Алтае высот с вечными снегами двадцать одна, то есть, кроме перечисленных девяти, еще двенадцать так называемых белков: Анынские, Салаирские, Бухтарминские, Ануйские, Чергинские, Башчелакские, Куминские, Тигирецкие, Курайские, Талицкие, Теректинские и Кырлыканские». Так и продолжается. Вершины, которые тут же предстают перед глазами, как только называешь их имена. Названия местностей, которые словно стихи, переливаются на слуху.

Наши предки, искавшие «семь небывалых чудес света», верили, что «камень не имеет языка». Однако кто скажет, что переливающийся всеми цветами радуги и журчащий между камней горный ручей не способен говорить?.. А что же скрывают в себе бурные горные реки с грохочущими порогами и перекатами и горные озера, глубины которых никто еще не измерял?.. Интересно то, что для начала наш странник составил полный перечень горных рек и озер, хранящих в себе множество тайн.

Обидно, что сто лет назад, когда странник искал истоки родников, несущих свои воды к Великому океану, а также причины исчезновения некоторых источников, большинство людей не пожелало принять в этом участия и оказать хоть немного помощи.

Одной из особенностей человека является неумение ценить то, что он имеет, и правильно распоряжаться этим. Пока «странники, ищущие неведомое», как Гребенщиков, ведомые истиной «ищите да обрящете», искали и находили неведомое в недоступных горах Алтая, безвозвратно ушло немало драгоценного времени. Дальше известно.

Время таяло, как мираж, и потомки тех искателей, что волею судьбы чуть было не лишились всего, стали обращаться в мыслях к Ледяной горе – Музтау, которая и показывалась-то крайне редко. Это поколение, похоже, только сейчас начало сознавать, что Золотые горы – Алтынтау, которыми тысячелетиями так дорожил тюркский мир, стали золотым мостом между народами, населяющими планету Земля. Хотелось бы, чтобы поколение, только ступившее на дорогу, ведущую в глубины Познания, как и наш странник, не заблудилось в горах Алтая с их остроконечными вершинами и бездонными пропастями, а нашло искомое...

...Итак, следует назвать имя странника, который сто десять лет назад вышел в далекий путь в направлении Алтая. Это известный всем и в то же время неизвестный Георгий Дмитриевич Гребенщиков. Георгий Гребенщиков... Георгий Тарухан... Имя, вошедшее в список ста самых известных людей, оставивших глубокий след в истории мировой культуры. Автор известных многотомных эпопей «Чураевы» и «Былина о Микуле Буяновиче».

Я уже говорил и не могу не повторить, что писатель, родившийся на Алтае и ставший странником, прошедший вначале вдоль и поперек Россию, затем Европу и закончивший жизненный путь за океаном, первые свои путешествия начал именно с родного Алтая. Читая рукописи странника, который в начале двадцатого века в составе этнографической экспедиции побывал у истоков Оби и Иртыша и дошел до знаменитых Рахмановских ключей в самом сердце Алтайских гор, понимаешь, что это путешествие стало началом пути, ведущего к Познанию.

Конечно, Гребенщиков не первый и не последний из странников, кто перешел или планировал перейти Алтай. Если заглянуть в глубь веков, можно назвать такие имена, как Вильям Рубрук, Платон Карпини, Марко Поло. А в ближайшей к нам истории первым стоит имя Николая Михайловича Пржевальского, трудный путь которого к полному неразгаданным тайн Тибету начинался на Алтае. На Алтае начинались и путешествия Григория Николаевича Потанина в северо-западную Монголию, путешественника-энциклопедиста Петера Симона Палласа, Ивана Сиверса. Вот такая закономерность...

Темой отдельного разговора является то, почему и чем меня заинтересовал и заинтриговал феномен Георгия Гребенщикова – по-своему последнего в ряду великих странников. Пока же интерес представляют творческие поиски человеческих корней, которые Писатель и Гражданин Мира проводил как этнограф и которые сегодня признаны (или не признаны) миром.

Итак...

«ПОИСКИ» СТРАННИКА

...Съезжившись от холода, сижу в углу, в углу теплой комнаты. Ломит в висках; похоже, только теперь начинаю понимать, почему с возрастом люди часто жалуются на различные недомогания. В последнее время ломота в суставах и в пояснице дошла и до меня.

С трудом разминаю затекшую поясницу и подхожу к окну, покрытому изморозью. Теплым воздухом своего дыхания начинаю дуть в заиндевшее стекло, пока в нем не появляется большой круг чистого стекла, за которым видно, что происходит на улице, – своего рода окно в мир. Все так же... Ничего не изменилось... Так же взад-вперед по улице идут люди... В нескончаемой их толпе иногда замечаю детишек с ранцами за спиной. А это говорит о том, что температура на улице начала повышаться.

Как там поется: «Кому не суждено было умереть, дождетя-таки лета...» Именно эти строки характеризуют нынешнее мое состояние. Как все-таки точно передано состояние души поэта, как и я, выросшего в Кызылкумских песках, где жара летом достигает такой температуры, что невозможно показаться на улице, – а теперь из-за мороза он не может показать на улицу носа из-за все еще непривычных для него холодов.

Все это, конечно же, мои мысли, верхушка моего кругозора. Мысли, блуждающие между аулом высокой поэзии и аулом низких человеческих слабостей. Быть может, поводом для возникновения этих строк стали не природные изменения времен года, а зима и лето в судьбе самого человека. А может, это крик души поэта, пережившего жизненные невзгоды и тоскующего по весне и лету своей жизни?..

Не знаю, как кызылкумский поэт, но в данный момент не позавидуешь и состоянию моей души. По старой привычке скорее слышать, чем видеть, включаю телевизор. Если честно, не очень-то я верю в информацию, которая передается с голубого экрана. Видимо, и правда, все дело в привычке, хотя телевидению посвящена половина моей жизни, и я отлично знаю все нюансы этой «кухни».

Особенно это видно, когда речь идет о прогнозе погоды. Думаю, я не один такой, кто с недоверием относится к результатам работы «специального бюро», ведущего наблюдения за природой. А может быть и правильно, что для людей, уставших от повседневных забот, данные об ожидаемой погоде даются несколько «смягченными». Однако, с другой стороны, нельзя же обманывать странников, собравшихся в дальнюю дорогу, тех, кто поставил перед собой ясные цели и задачи. К тому же не верится, что государственные предприятия с громким названием «Метеослужба» в пору рынка могут делиться с частными «телеокнами» своей долей, получаемой из общего котла, именуемого бюджетом, спонсировать их.

Бывают моменты, когда не веришь, а хочется верить. За океаном обратил внимание, как люди с нетерпением ждут, когда начнут передавать прогноз погоды по радио или по телевизору. Причина, видимо, в том, что они смертельно устали от урагана – торнадо, «близкого родственника» наших пыльных бурь. Хорошо понимаю состояние этих людей, которые нередко видят, как торнадо поднимает в воздух не только людей, но и домашних животных и машины. Но иногда закрадывается сомнение в их прогнозах, поскольку минус десять градусов для них – очень холодно, а снег по шиколотку – настоящие сугробы.

В этот раз в утренней программе одного из республиканских государственных телеканалов передавали сюжет о последствиях продолжительного снегопада на Алтае. Машины, застрявшие в сугробах на одной из автотрасс. Съездившиеся от мороза, метели и сильного ветра люди. Это только для человека непосвященного подобные кадры могут быть завораживающими. Для меня же это привычные, рядовые сюжеты. Вижу, что используются в подборке и картинки, которые не один год хранятся в видеотеке телевидения. Такие архивные картинки, отснятые всего в сорока-пятидесяти километрах от областного центра, у подножия горы Айыртау, хранятся и в моем столе.

Конечно, мы относимся к поколению, которое больше верит в то, что говорят по телевизору и пишут в газетах. Хотя лучше один раз увидеть своими глазами... Не помню уже, сколько раз за последние пятнадцать лет побывал на этих перевалах. И каждый раз, после мороза и пронизывающего ветра согревшись в теплом салоне машины, не переставал удивляться тому, как в этих краях жили наши предки, когда не было ни машин, ни поездов!

Как вспомню ту зимнюю непогоду, что пережил сам, до сих пор все нутро мое стынет, будто от настоящей стужи. Потому что «за перевалом – перевал», а дальше Айыртау – это с него кадры сейчас мелькают на телеэкране. Знаю, что дальше будет Калбатау, а еще дальше – Байбура, одно имя которого вызывает в душе страх. Для того, кто прошел тридцатикилометровый перевал Байбура в январскую стужу и в февральские морозы, когда невозможно повернуться лицом к пронизывающему ветру, – детской шалостью покажется ветер, круглый год дующий на перевале Айыртау.

Холодно и на улице, холодно и там, за экраном телевизора, а в моей комнате тепло. По телевизору после описания алтайских морозов переходят к новостям соседней Монголии. «...Из-за пятидесятиградусных морозов наблюдается массовый падеж скота. Есть данные, что только за последнюю неделю пало более миллиона животных...»

Ведущий программы новостей, молодой светловолосый паренек, похоже, увлекся чтением душераздирающей информации. А я, как всегда, не понимаю зачем делать акцент на простых вещах – не понимаю... Что значит миллион овец для такой страны как Монголия, где количество домашнего скота давно перевалило за тридцать миллионов?

Наконец на экране вместо слов появилось видео, что отвлекло меня от моих мыслей. Вы должны понимать, каково это человеку, выросшему в ауле, где все благополучие людей зависит от домашних животных, видеть с телеэкрана трупы тех же молочных коров, умерших от холодов и бескормицы...

Астапыралла! – прости Господи!.. Ведь это просто мои слабости и, хуже того, всего лишь человеческое высокомерие. В данное время мне бы быть благодарным своему коллеге, рассказывающему о бедах, что постигли наших соседей в округе Баянольгей, где подавляющее большинство населения – мои сородичи – казахи.

Однако несмотря на то, что минуту назад я готов был осудить себя за высокомерие, в глубине души лежит сомнение, которое никак не хочет отпустить...

2

Только что побывал во дворе. Мороз и не думает слабеть.

Если я что-то понимаю в жизни, после такого проявления злого нрава природы в округе Баянольгей, о богатстве которого говорит уже одно только его название – «богатый край», люди с приходом весны начнут валом перекочевывать в нашу сторону. Конечный пункт их пути – Алтайский перевал. На самой вершине Алтайского хребта есть озеро – его называют «Ары аккан – бері аккан», что значит «Текущий то туда, то сюда». Еще я знаю, что это дело обычное для людей, привычных к подобным переходам через границу, как и к озеру, полностью зависящему от состояния горных ледников на вершине Алтая.

Алтайский перевал стал своего рода барьером, отделяющим потомков наших соотечественников, более века назад покинувших землю предков и прочно обосновавшихся на чужбине. Во время поездки заметил, что часть людей сегодня не прочь вернуться назад. И я на их стороне... Никто, к сожалению, не подумал, что мы можем обидеть этих людей, некогда волею судьбы оказавшихся на чужбине и теперь возвращающихся на землю предков, назвав их словом «оралман» – «возвращенец», которое сегодня прочно вошло в наш обиход.

Пытаюсь себя успокоить, однако перед внутренним взором встает смуглая молодая женщина-оралманка, продрогшая от холода, – она продавала в нашем дворе молоко. Осознаю, что меня задело слова моего коллеги с телеэкрана, который так печется о проблемах наших соотечественников за рубежом, тогда как у себя мы все еще никак не можем создать нормальных условий тем, кто с большим трудом вернулся на землю предков. Оказывается, на самом деле в сознании человека-странника, перешедшего границу, прочно остается понятие о «нашей» и «их» стороне...

Все-таки чутье меня не обмануло. Нашел-таки! Нашел в тех же рукописях моего странника. Точно так было еще сто десять лет назад. Выходит, мое недовольство поведением коллеги с телеканала исходит из того, что он не сказал. А именно: «...в 1878 году из Усть-Каменегорского уезда в Китай перекочевало

девять тысяч казахов, которые устроились на зимовку на берегу реки Урунги...», а весной: «...на всем пространстве не осталось и сажени земли, на которой бы росла трава: скот съел все – от камыша до молодых деревьев. Если этого было мало, люди вырезали все молодые деревья и кустарники на берегах реки...» В тот далекий год «было вырублено большинство деревьев; беглые казахи давали их кору овцам, коров же и лошадей кормили опилками...»

К сожалению, от страшного джута животных не могли спасти ни древесная кора, ни листья и побеги деревьев. Да, это был настоящий джут. Причем джут не природный, о котором принято говорить, а джут, созданный искусственно, человеческими руками. Быть может, это и есть несчастье?..

В тот год с наступлением теплых дней русский путешественник Николай Пржевальский, через Хами направлявшийся в Тибет, остановился на берегу реки Урунги, где его взору предстали сотни трупов домашних животных, о чем он сделал подробные записи в своем дневнике. Записи, отмечу, не ради праздного интереса, – они стали документом, который никто не смог бы опровергнуть.

Это был конец девятнадцатого века, когда беглые казахи лишились всего своего скота. А сейчас ведь начало двадцать первого века! Должно быть, мы все равны перед природой, которая не зависит от эпохи. И все же... В конце девятнадцатого века наиболее крепкие хозяева из числа пришлых держали до семи коров, 20–30 лошадей. А вот в 1860 году в самых зажиточных семьях держали до 500 лошадей, 50–70 коров и до двухсот овец. Как же местные?.. Как объяснить, что все их богатство исчезло всего лишь за один джут?.. Если этого мало, в чем виноваты местные, лишившиеся всего: домов, скота – в результате наводнения в начале двадцать первого века?.. Все-таки не хочется думать о том, что мои соотечественники, несметные стада и табуны которых некогда мирно паслись на всем евразийском пространстве, сегодня превратились в лентяев, привыкших жить на всем готовом... И если наши соседи давно уже наладили земледелие, спасшее их в трудные годы, а в итоге приведшее их к достатку, то мои сородичи почему-то продолжали лежать на боку и ждать милостей от природы... Почему?..

3

На улице мороз, а в моей комнате тепло. Однако и сидя в тепле, чувствую, что в моей душе что-то замерзло. Чувствую – и вновь начинаю листать тоненькую голубую книжечку. Быть может, на вопрос, что не дает мне покоя, ответят не пришлые, которые сразу же поспешили создать себе все условия, а наш странник, бывший всегда на стороне моих братьев, переживших немало горя и лишений...

И нашел-таки ответ на свой вопрос в документальном труде странника «Река Уба и убинские люди».

«Земледелием в последнее время стали заниматься все без исключения, причем почти все тяжелые работы их исполняют степные киргизы, которые находятся у убинских казахов в вечных и невылазных долгах. В то время как крестьяне соседних сел не могут найти рабочих и дают большие цены, казаки за полцены и без особых затруднений имеют рабочих сколько угодно. При этом отношение к киргизу самое деспотичное. Укажу на примеры.

В поселке Убинском есть очень богатый казак-урядник С. Он только тем и состоянием свое приобрел, что умело и неуклонно держал в кабале десятки бедных киргизов. Делал он это так: с зимы охотно дает в долг киргизу продукты первой необходимости: муку, мясо, соль, чай и даже деньги, но с тем, чтобы он выдал ему известное количество хлеба или выкосил и поставил определенное число стогов сена. Беря необходимое, бедняк киргиз за зиму, конечно, влезет в такие долги, ко-

торых отработать за все лето не в силах. Но наниматель не только не претендует на это, но и вновь дает киргизу на нужные расходы, только назначает проценты и не деньгами, а той же работой. Именно: если, допустим, какой-либо Крыптай должен был в прошлом году поставить двести копен сена, а поставил полтораста, то есть не доставил, то нынче это количество он должен поставить в удвоенном размере. И вот теперь еще, несмотря на дороговизну труда, у С. имеется несколько десятков таких должников, которые работают за старые долги совершенно бесплатно. Некоторые работают за долги отцов, которые давно умерли...»

Думаю, человек, слышавший о движении народовольцев, охватившем в начале двадцатого века Европейский континент, поймет настроение нашего странника. В то же время он пытается защитит и Никиту, который надругался над безвинным Жауке.

Однако хоть и пытается молодой человек – ему только исполнилось двадцать – оправдать окружающих, ему не дано оправдать жестокость общества, в котором во главе угла стоит насилие!..

Да, таковы особенности жестокого времени... В этнографическом очерке «Река Уба и убинские люди» рассказывается о судьбе Жауке, который пытается адаптироваться в новых условиях. Тут же встает вопрос: а какой будет судьба тех, кто не желает забыть дело, которым на протяжении веков занимались их предки?

Листаю повесть «Ханство Батырбека», составленную из отдельных эпизодов биографии самого странника.

Начинается повесть с того, как русские переселенцы, обосновавшиеся на берегах Иртыша, угнали табун лошадей потомка ханов Батырбека, объясняя свой поступок тем, что животные «потравили посевы». Не будем забывать, что эти люди – потомки воинственных кочевников. Батырбек при помощи предприимчивого наемного работника Сарсеке вернул свой скот и погнал его в сторону своей старой зимовки, расположенной в дальнем горном ущелье – подальше от посторонних глаз. Но сена там было заготовлено мало, поскольку по указу царя все пастбища и сенокосные угодья были разделены между переселенцами. Мало того, впредь запрещалось не только поить в Иртыше скотину, но и приближаться к берегу. Дальше известно. Дальше в степь, где испокон веков свободно проживали кочевники и где наравне с их потомками стали жить и пришлые переселенцы, пришел джут, который у казахов олицетворяется с «семью братьями». Потом...

«Смертельно застонала степь... Джут мертвыми ледяными объятиями охватил ее из края в край. В один сутки погибли сотни тысяч киргизского скота, захваченного в степи на пастбище, закоченели десятки пастухов, пристывших к гололедице.

Целые табуны лошадей и жеребят тесными группами, рассеянными одиночками окоченели, стоя в глубоком снегу, и, обледенелые и опущенные снегом, представляли выставку уродливых изваяний, страшных в своем мертвом безмолвии и неподвижности...

Местами рядом с лошадьми, прильнув к ним и застывши вместе с ними, стояли, сидели и лежали человеческие статуи, как в броню закованные в ледяную кору и подернутые узором из снежных кружев. И по всей степи днями и ночами шел дикий волчий пир... Злые и тощие от долгой зимней голодовки волки обжорливо набросились на трупы лошадей, быстро тяжелели и отлеживались тут же на кровавых костях, среди целых костров лошадиного мяса...

Когда через неделю после дождя едвадвигающийся, больной и обмороженный Сарсеке вместе с Исхаком и старым Карабаем поехали разыскивать погибших пастухов, они наткнулись на мертвый табун и не решились приблизиться к нему...

Всегда смелый и страстный зверолов Сарсеке пришел в ужас от обилия и наглого бесстрашия волков, остервенело или устало грызших трупы... Сарсеке окаменел от изумления и отчаяния, когда, поодаль от застывшего табуна, увидел еще более жуткое зрелище.

Там, пригнувшись к гриве, на мертвой, опустившей зад и увязшей в зеленом снегу лошади сидел маленький Куанышка. Он весь блестел на солнце, будто вместе с лошадыо был выкован из серебра...

А впереди его, широко шагнувший, с распростертыми руками и запрокинутой назад черной головой, в окостенелом капе стоял Байгобыл. Похоже было на то, будто он страшно быстро бежал и отчаянно кричал в небо аллаху, но, не дождавсь ответа, так и застыл, утопая в снегу...

Широкий череп Байгобыла далеко был виден, маяча чернотой давно не бритых волос. Когда подъехал Сарсеке, со лба Байгобыла со зловещим криком слетела ворона, безуспешно пытавшаяся выключить застывшие открытые глаза...

Вот так... Другое дело, если бы это были волки и стервятники, жаждущие крови и кружащие над трупами животных... Это была всего лишь ворона.

«...Во многих местах, на льду, измученные голодом и безуспешной работой, лошади ложились, чтобы никогда не встать и умереть медленной, мучительной смертью, без единого стога и жалобы...

Их, еще живых, погребал снег, и они не в состоянии было стряхнуть его с пышных грив и лохматой, присохшей к костям кожи. Скот падал в таком количестве, что киргизы не успевали снимать с него шкуры. Многие об этом даже и не думали – не до того было.

Зато недели через две в степь наехало много русских скупщиков сыръя. Они стали покупать кожи еще на живом скоте, давая за них баснословно низкие цены и обязывая киргизов собственноручно снимать их с трупов. Мучаясь над этой операцией на морозе, вдали от зимовок, киргизы походили на тех же голодных и злых волков, которые пировали рядом. Наконец, видя, что с застывших животных шкуры снимать трудно и что живых все равно ожидает неминуемая гибель, киргизы, чтобы спасти хоть кожи, стали убивать всех более слабых коров и лошадей дома, во дворах.

Это была какая-то дикая вакханалия плача, злобы и жалости людей, принужденных убивать свой скот, чтобы продать с него кожи. От обилия жатвы скупщики пришли даже в азарт и друг с другом вступили в состязания: каждый хотел купить больше других...»

Этот плач жителей степи мне показался очень похожим на плач нашего «странника, ищущего неведомое». Что ж получается... Как говорится, «с кем поведешься, от того и наберешься»...

Как же дальше сложилась жизнь далекого предка «истинного потомка ханов» – «странника, ищущего неведомое», сродного брата Батырбека – Сарсеке?..

Люди, подобные Сарсеке, зарабатывали в месяц не более четырех-пяти рублей. Если верить «Семипалатинскому листку», в те годы это стоимость одного барана. Такое было время: цену одного барана, которого в былые годы кочевник мог без ущерба зарезать, когда в его доме останавливался гость, платили людям, с риском для жизни и здоровья спускавшимся глубоко под землю.

Вот так. В своем произведении наш «странник, ищущий неведомое» оправдывает и защищает своих соплеменников – русских рабочих, также работающих в неимоверно тяжелых условиях. Но когда дело касается таких его «родственников», как Сарсеке и Ахметбай... Все-таки чувство братства у него развито очень сильно...

В годы, когда были написаны те строки, наш странник, Георгий Гребенщиков, как ни странно, работает управляющим на золотодобывающем руднике. Если судить по рукописям писателя и сведениям, которые мы почерпнули из материалов краеведческого музея, в начале двадцатого века только золота, не говоря уже о других полезных ископаемых, на Алтае добывали четыре тысячи семьсот пудов. Четыре тысячи семьсот пудов... Это только на Алтае... В начале двадцатого века... А как же в двадцать первом веке, когда добыча осуществляется при помощи новейшей техники?.. Конечно, в наше изменчивое и полное недоговоренностей время таких сведений никто нам не предоставит, и поэтому не стоит даже ломать над этим голову...

Глядя на то, с какой заботой, почти по-родственному наш странник относится к степнякам наподобие предприимчивого Сарсеке, иногда думаю, а не сам ли это Сарсеке? Для того чтобы передать в полной мере образ и раскрыть внутренний мир Сарсеке – единственного, кто мог встать на защиту жителей аула, спрятавшегося в одном из далеких ущелий Алтая, писатель должен был провести со своим персонажем не одну зиму...

Сам я предпочел бы воспринимать истории персонажа произведения Сарсеке и его автора Георгия Гребенщикова, которых на стыке двух эпох можно было найти на золотых приисках, кормивших алтайцев, не как героев художественного или творческого повествования, а как истории жизни, основанные на фактах. Если вспомнить фразу: «Истинный художник всегда пишет свою биографию», «мой» Гребенщиков и Сарсеке Гребенщикова – один человек. Все-таки это один человек по своей натуре и с точки зрения духовности.

И пять пальцев на одной руке разные. Вполне возможно, что писатель, живший в то время, когда в России активизировалось движение народников, а «по Европе бродил призрак коммунизма», мог быть подвержен общему настроению и высказать свои мысли, исходя из особенностей времени. Тогда получается, что определить, где правда, еще рановато...

4

На улице мороз, а в моей комнате тепло. Что может быть лучше, чем уютно устроиться в теплом доме и читать книги...

В повести «Ханство Батырбека», которая прочитана мной не раз и которую я перевел на казахский язык, читаю такие строки:

«Первое время среди киргизов прошел ропот, они бросились было с жалобой к начальству, потом к адвокатам, потом к самим непрошеным новоселам... Но из всего этого ничего не вышло... Поволновались, погрозились, похлопотали, много растратив денег, а потом с обидным недоумением притихли, как бы ожидая, что все выяснится само собой и за них-то кто-нибудь заступится. Время шло, и шли незваные гости, числом все больше и больше. Наехали чиновники, молодые и сердитые, наставили столбов, и в привольной киргизской степи закопошилась новая, чуждая кочевникам жизнь».

Где-то я слышал или прочитал эти строки. Тут же подчеркнул слова: «...трагично большие деньги, пытались использовать посредников...» и начал перебирать книги на полке. В издании газеты «Казах», выходявшей в начале прошлого века, нашел: «...В жизни казахского народа настало трагическое время, происходили такие дела, о которых невозможно говорить и даже написать. На наше несчастье, такие притеснения мы терпели не от чужих, а от своих же соплеменников. В то время когда люди были взволнованы, пустились в бега, гибли тысячами и плакали кровавыми слезами, среди наших же казахов нашлись такие, кто, пользуясь всеобщим бедствием, пошли даже на мародерство в сожженных аулах...»

Говорили же наши предки: «Нужно копать по пояс там, где нашли золото». Только теперь, похоже, я начал искать схожие места в рукописях моего странника и материалах газеты «Казах».

«...Главная причина таких волнений казахского народа – в его невежестве... Других причин этого нет... Это не от протестов против царя и не от выступлений других народов, как думают те, кто не знает казахов...»

«Киргизы оказались, как бы загороженными в своих извечных просторах внезапно вырастающими новыми деревеньками, и стали копить в сердцах смутную злобу, ожидая, что заступник придет и накажет виноватых.

Знали, что где-то ездят и хлопочут почтенные бии и тахсыры, что даже к самому царю посланы лучшие аксакалы, ну и ждали:

– Правда придет! Как не прийти? Царь увидит, и сам все разберет. Не даст в обиду! – говорили они между собой...»

Как тут не вспомнить строки поэта Н. Некрасова: «Вот приедет барин – барин нас рассудит!» Но в этот раз пришел не барин, а наш странник, который всегда был на стороне местных, защищал их интересы. В другой раз тот же странник идет даже глубже издания, призванного защищать интересы казахов:

«Но время шло, и ожидания киргизов переходили в глухую тоску, а стеснение в выпасе, в покосах и в пользовании водой для поливок из Акбулака рождало плохо скрываемую ненависть и мстительную вражду к мужикам...»

По моим предположениям, Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов и Миржакип Дулатов, издававшие газету «Казах», которая защищала интересы коренного населения, и наш странник – люди, близкие по своей натуре и духу.

Обидно только, что в то время, когда «по Европе бродил призрак», это писали не уважаемые мной люди – алашординцы, оставившие свои имена в истории страны, а наш «странник, ищущий неведомое». Хотя, конечно, это мое предположение...

ВОПРОСЫ, ОСТАВШИЕСЯ БЕЗ ОТВЕТОВ

1

Я так боюсь холода, что вот уже третий день сижу дома, не показывая на улицу носа. Приблизив свое лицо к окну, на стекле которого мороз нарисовал причудливые узоры, пытаюсь посмотреть на то, что творится во дворе. Как обычно, люди бегут куда-то по своим делам. Это люди, пережившие немало таких суровых зим, им давно стали привычными и высокие сугробы, и жгучий мороз. Наверное, только я один из всех жителей города боюсь, когда по телевизору говорят действующее на нервы: «Днем – сорок градусов ниже нуля...»

На улице трескучий мороз, а в моей комнате тепло. С надеждой на то, что, быть может, днем мороз несколько ослабел, смотрю в окно и включаю телевизор. «...В Семипалатинске угля осталось на неделю. Депутаты городского маслихата говорят о том, что в этом году новый областной бюджет был распределен несправедливо...» «...Вот уже неделю жители поселка Солнечный сидят без света. Предприятием «Шыгысэнерготрейд», которое в такие сильные морозы оставило без света поселок, где проживают более тысячи человек, занялась областная прокуратура...» «...Весь январь жители области с тревогой ожидают информации с энергетического фронта. На этой неделе отголоски энергетических баталий достигли Астаны. Во время селекторного совещания с участием премьер-министра руководители областей говорили о том, что поставщики электроэнергии, воспользовавшись сильными морозами, поднимают вопрос о повышении цен...»

Не зря говорят, что во время бурана особенно резвятся и шалят дети. То же самое можно сказать об иностранных «трейдерах», которые вполне вольготно чувствуют себя на нашей земле. Река Иртыш, во все века текшая свободно и бывшая гордостью края, сегодня перекрыта Бухтармой в верховьях, Усть-Каменогорском в среднем течении и Шульбинской электростанцией в низовьях. Это памятники, оставшиеся еще с советских времен. Скажете, что «куплены они на кровные»? Возможно, купили станцию, одетую кругом в бетон, но не купили же сам Иртыш и его мерно текущие воды?..

Конечно, жалко жителей Солнечного, оставшихся в такое время без света. В то же время я благодарен Всевышнему за то, что у меня в квартире свет горит и днем и ночью. На улице мороз, а в моей комнате все еще тепло. И во дворе, и в доме – февраль две тысячи десятого года. Это не крещенские морозы по православному календарю. По казахскому народному календарю погоды, февраль – это самый пик зимы. Да, февраль две тысячи десятого. То есть начало двадцать первого века, когда, как мы склонны считать, достигли всего. Думаю: а если бы я жил в начале двадцатого века, «когда нищий и беспомощный народ был доведен до отчаяния»?..

Начало двадцать первого века... Если позволяют средства, можно поехать отдохнуть в Турцию или Таиланд. Если денег немного, можно довольствоваться нашими же теплыми южными городами. Однако сегодня из-за мороза не летают самолеты, не ходят поезда и даже машины. И потому мне не дает покоя мысль: а как же сто лет назад жили люди, запертые зимой в глухих урочищах Алтая, когда сегодня, в начале двадцать первого века, из-за снегопадов и морозов закрыты внутренние и внешние автомобильные дороги? Говорят же, что через сорок дней человек привыкает даже к темноте и сырости могилы... Может, и правда. Впрочем, если настали такие времена, можно перетерпеть и сильные холода, и голод. Однако не могу поверить, что в течение полугода можно обходиться без телевизора и газет, поскольку единственное мое занятие в длинные зимние дни – перелистывать газеты, журналы, книги, узнавать с голубого экрана о том, что творится в мире.

...И сегодня я перебираю эти бумаги. Недавно морозы немного отпустили, показалось солнышко, и я отправился в краеведческий музей осматривать дорогие моему сердцу экспонаты, которые хранятся здесь десятилетиями. Один из них – газета «Семипалатинский листок», что издавалась в Семее в начале прошлого века. Вот кто может поведать о том, как люди проводили долгую зиму в глухих урочищах с интересным названием – Тупик.

«...Зима 1900 года была холодной, длилась она два месяца; на протяжении всего января и февраля стояли сильные морозы, небольшое потепление началось лишь в начале марта. Река Ульба вскрылась лишь 10 апреля. От морозов 1 июня погиб весь урожай гречихи...»

Да, вы не ошиблись, морозы в то время длились не только до марта, но могли захватить и апрель. А сельскохозяйственные культуры вполне могло побить морозом и накануне июльской жары. И потому для меня, родившегося в Кызылкумах, где знойное лето могло продолжаться по полгода, это, конечно же, почти сказка...

На юге говорят: «полгода лета»... А на Алтае – «полгода зимы»... Иногда невольно приходит мысль: а куда подевались здешние весна и осень... И я ломаю голову и не могу найти ответа на вопрос, как же люди проводят длинные ночи и короткие дни в краю, где нет осени и весны. Выхода нет – и я вновь листаю подшивки из краеведческого музея.

«...Сохраненные в сундуке издания прошлого века состоят из 11 названий. Это журналы конца 19-го века: “Нива”, “Наблюдатель”, “Колосья”, “Север”, “Нева”

“Устой”, “Изящная литература”, “Живописная Россия”, “Живописное обозрение”, “Родина”, “Вестник садоводства, плодоводства и огородничества”...

Да, точно так. Сто десять лет назад алтайцы спасались от морозов, развалившись на русской печке, и читали познавательную литературу о фруктах и ягодах. Думается, они таким образом успокаивали свой организм, требовавший витаминов, и свое тело, которое истосковалось по лету. А почему я в дни, когда всем надоели морозы, тем не менее все читаю литературу о зимних трудностях и лишениях?

Сто – сто пятьдесят лет назад люди, с большим трудом добравшиеся до Алтая, после того как удовлетворили духовные потребности из познавательных изданий, а бытовые – из рекламных, успокаивались, наконец, и решали садиться за стол. А «...на буфетных столах расставлены различные фрукты, ягоды и конфеты, в бутылках сверкает и искрится токайское и венгерское вино, вокруг разливается аромат коньяка «Финь-шампань»...» Эх, кабы и мне туда!..

Вы, наверное, понимаете, что это стол богатых и влиятельных людей того времени. Хотя сегодня таким столом и такими яствами не удивишь нынешних нуворишей и прочих богачей и потому, думаю, уместнее будет перейти в лагерь таких же, как сам я, простых граждан, имеющих средний достаток.

Эх, черт! И я почувствовал ароматный запах вина. Конечно, не коньяка, а красного вина, которое выпускается в нашем Иссyке. И тут в мое сознание стали стучаться самые различные мысли. Например: а не смотаться ли в ресторан в центре города, где продается французский коньяк? Или, исходя из финансовых возможностей, – не пойти ли в дешевый пивной бар «Семейсу»?

Дома тепло, хотя на улице холодно. Понимаю, что лучше сидеть в тепле и перебирать бумаги или сопоставлять цены на тех же бумагах, чем отморозить уши, и так готово отлететь даже при небольшом ударе. Я ведь тоже отношу себя к поколению девяностых, когда расцветала «дикая коммерция» и люди хорошо освоили понятие «бартер». И потому мне очень хорошо знакомо сравнение цен или обмен товаром. Итак...

Ведро спирта стоимостью 1 рубль 10 копеек равно двенадцати с половиной литрам спирта или двадцати пяти бутылкам водки... Цена одного барана – 3–4 рубля... То есть в те годы на обменном базаре, бывшем на месте нынешнего села Меновное, одного барана можно было бы обменять на девяносто бутылок водки. Девяносто бутылок... Столько добра хватило бы одной семье если не на всю зиму, то на ее половину точно. «Эй, сынок, что же ты лежишь, вместо того чтобы отвезти этого барана, который и так подышает без корма, на базар?!»

Пусть прошло уже сто десять лет – я ведь тоже потомок того менялы, и потому мне вдруг захотелось сейчас же отправиться на базар. Пусть думают, что меня останавливает только то, что на одну мою зарплату можно купить не девяносто, а всего лишь сорок пять бутылок. К тому же я вспомнил, что я недостойный потомок своего предка, который мог заломить шапку и идти вперед, невзирая на гжучий мороз и ветер. И мне жалко себя...

На пороге двадцать первого века... можно понять мою зависть к повседневной жизни «покорного мужика» начала двадцатого века – человека, запертого в тесной комнате и не имеющего возможности выйти и посмотреть на мир... В такие же зимние месяцы в «городе пришлых», в котором сегодня проживаю я, «шумно проходила масленица – проводы зимы. Среди горожан неукоснительно сохранялся обычай есть блины, и пекли их целую неделю во всех домах. Дамы-благотворительницы и просто богомольные старушки разносили блины в больницу... Угощение блинами сопровождалось выпивкой, шумным весельем, песнями и плясками».

А не похоже ли это на пир во время чумы?.. Не будем забывать, что это было начало двадцатого века. Эпоха, когда «верхи не могли», а «низы не хотели»... Был

канун «великих изменений». Однако оставим в стороне простой народ, в это время даже цари и царицы в Петербурге ощущали духовный упадок, а придворные пустились во все тяжкие (в первую очередь тут на ум приходит фамилия Распутина, именем которого называли самую дорогую водку). А что было делать жителям «российской тюрьмы» – тем, кто «оставил свою страну и свою землю»... О том, каким был спрос в те годы на горячительное, можно судить уже по одному факту: «Торговый дом Ф. Плещеева в Семее только за один год продавал до миллиона литров спирта и безалкогольной продукции»...

Наверняка вы слышали о том, как наших дальних родственников – индейцев «травили водкой» бледнолицые, прибывшие за океан, на землю чероки. В девяносто пятом, когда я был в американском штате Оклахома, некоторые отголоски этого утверждения видел своими глазами. Разве наш сегодняшний разговор не является продолжением того?..

Однако сколько бы мы ни ругали, не будем отрицать и другой особенности той же «огненной воды»: в трескучий мороз уже после первой рюмки по телу пробегает приятное тепло, быстрее течет по жилам кровь и на душе становится особенно хорошо. Нетрудно понять и состояние человека, который после нестерпимого жара парилки опрокидывает стаканчик-другой водочки, сидя за столом рядом с жарко натопленной русской печкой...

Если судить по материалам «Семипалатинского листка», в те годы «...красивые девушки и женщины носили вполне открытые юбки и плотно облегающее тело душегрейки... Характеризуя их внешние данные, говорили: “лебединая шея и узкая талия...”» Тут невольно в памяти всплывают строки, когда поэт жалеет о том, что покинул общество красивых женщин...

Понятно и так, но мне все не дает покоя мысль, а чем же занимались алтайцы длинными зимними ночами? Конечно, мало удовольствия доставляют глубокие сугробы и трескучий мороз с пронизывающим ветром. Хотя не зря предки наши говорили, что за плохим обязательно следует что-то, да хорошее. Не будем ходить далеко, возьмем крепость Усть-Каменогорск, бывшую некогда уездным центром. В 1720 году там проживали 363 человека, в 1820-м – 580. А спустя еще столетие количество его жителей равнялось 15 тысячам. Тут как раз и уместно вспомнить о причинах прироста населения...

Всегда был против утверждения, что история – это наука. Однако, надо признать, когда речь идет о статистических данных, я невольно оживляюсь. Вы же сами наверняка чувствуете, что статистика имеет непосредственное отношение к истории. И сегодня, листая старые газеты, ищу только факты, выстроенные в строгом, почти военном порядке. О, Аллах! Оказывается, в небольшом городке с пятнадцатитысячным населением в те годы проживали около десяти человек, переваливших столетний рубеж. Мало того, бабушка, которой исполнился 131 год, отличалась неплохим здоровьем.

Сто тридцать один год... Верите вы или нет, дело, конечно же, ваше, однако я твердо верю в достоверность этих данных, поскольку у православных давно стало доброй традицией каждого новорожденного обязательно регистрировать в церковной книге, и берегли они эти записи как зеницу ока.

Если же обратиться к мировой науке, которая собирает и тщательно систематизирует данные по истории человечества, на земле не было человека, прожившего сто тридцать один год. Если бы знали эти буквоеды, что сто лет назад среди алтайцев была 131-летняя бабушка! С другой стороны, обидно, что в те годы, когда говорили: «Цена батыра – одна пуля, а цена скота – один джугт», люди, проводившие перепись населения и домашнего скота, не писали о возрасте наши предков...

Понятно состояние переселенцев, в короткие сроки не только ставших хозяевами в уездном центре с его ресторанами, казино и небольшой библиотекой, но и освоивших земли Бухтармы, расположенные в сердцевине защищенных от ветров урочищ по берегам Иртыша в Срединном Алтае. В то же время думается о том, как жили люди в Верхнем Алтае, где даже в самое жаркое (по здешним меркам, конечно) лето ночью приходилось надевать тулуп.

Если верить документам, лежащим передо мной, в 1840 году министерство имуществ царской России провело на Алтае перепись населения и домашних животных. По данным той переписи, на каждую семью «...в Семее приходилось по 9, в Быково – 11, в Малонарыме – 15,5, в Коробихе – 2, в Верхней Бухтарминской Печи – 16,5, в Язово – 18, в Белом – 10,7 голов крупного скота». В последующие двадцать лет поголовье скота на Алтае значительно выросло. Некоторые здешние «правильные» хозяева держали как минимум по 7 коров, 20–30 лошадей. Ну а в зажиточных семьях в 1860 году количество скота доходило до 500 лошадей, 50–70 голов крупного рогатого скота и до 200 овец. По итогам переписи видно, что по всей Бухтарминской долине редко можно было встретить семью, имевшую менее 12–13 дойных коров.

Если лошади в основном зимой кормятся самостоятельно, то каково придется в пятидесятиградусные морозы скотине, которая заперта в скотных дворах, и каково за ней ухаживать?! Можно себе представить, что чувствовал такой хозяин, если даже посторонние люди, вроде меня, так переживают за состояние живности. С раннего утра и до позднего вечера... Каждый день приходится по два раза доить тринадцать коров, убирать за ними, освежать подстилку и класть им корм. И после такого трудового дня вряд ли кто найдет время не только посмотреть телевизор или почитать газету, но и обратить внимание на лежащую рядом супругу...

Рассматривая старые архивы, легко представить себе «трудную» долю и «тяжелую» жизнь крепких хозяев, живших в этих краях лет сто назад. Есть скотина, а значит, ее необходимо регулярно доить, взбивать из молока масло и везти его на базар. В каждом доме по тринадцать коров. Да еще какие коровы!.. Документы, которые я держу в руках, говорят о том, что «...трава в те годы была настолько сочной, что жирность молока составляла 4,5 процента, а иногда и все 6-7...» И потому не стоит удивляться, что жители Семейской губернии, куда входил и Усть-Каменогорский уезд, в девяностых годах девятнадцатого века вывозили за рубеж до 400 тысяч пудов сливочного масла.

Не похоже ли это на «инвесторов», к которым сейчас мы успели привыкнуть?.. Не вижу большой разницы между нынешними приезжими, кто производит у нас продукцию и вывозит ее за бугор, и теми дельцами, которые все, что произвели, спешили также вывезти за границу. Хотя разница, конечно же, есть. Сегодняшние бизнесмены не станут утруждать себя дойкой коров и взбиванием масла. Это, наверное, потому, что недра Алтая хранят богатейшие залежи цинка и меди...

Похоже, в ворохе бумаг, лежащих передо мной, нашел то, что нужно. Да, сто лет назад каждая семья русских держала по тринадцать коров, двадцать лошадей. Взбивали масло, варили сыр. Вполне законна мысль, что это «народ, умеющий жить». А как же нынешнее поколение того народа, который умел жить?..

Во дворе холодно, а у меня в комнате тепло. Календарь на стене показывает март две тысячи десятого. По телевизору все твердят: «Столбик термометра ночью покажет семь градусов мороза, днем – два градуса выше нуля». Друзья по теле-

фону говорят, что на термометре в иномарке – минус десять. Если поверю... Если только поверю... Я не ребенок и потому понимаю, что в наше время, именуемое «переходным периодом», нужно верить только себе. Все знаю, все понимаю.

Самое интересное, что такая суровая зима была, быть может, и сто, и тысячу лет назад, наверняка, будет и еще. Недавно, одевшись потеплее, сходил на черный рынок, который, по сути, кормит наш микрорайон.

Мне показалась очень интересной мысль, что и там все так же, как было сто лет назад. Молодая смуглая женщина-оралманка, которая каждый день встречала меня с радостью на лице, сегодня почему-то была немного грустной, что передалось и мне. И все-таки не стал уходить сразу, а посмотрел разложенный товар, немного поторговался. «Ага, зачем вам товары с оптовки... Дома у меня есть все, только вот дорогу закрыли...» И в самом деле, похоже, что так же здесь все было и сто лет назад.

Сегодня сердитый вид и у другой женщины, стоящей в жестяном киоске с надписью «Район Шемонаиха», откуда вокруг разносится запах свежеприготовленного мяса и пряностей. Упала цена на катон-карагайский мед, который когда-то можно было увидеть только на царском столе и который так любят приезжие. Все цены на базаре зависят от Шемонаихинской колбасы и копченой свинины. Шемонаиха – приграничный с Россией район. Так что давно уже налажены тесные связи между соседями. И потому начинаешь сознавать, кто же все-таки настоящий хозяин на нашем рынке.

Еще я почувствовал, что практически нет никакой разницы между нашими братьями, которые жили здесь сто лет назад, и нынешними.

Календарь на стене показывает март. Такая долгая зима измучила не только меня, поскольку я очень тяжело переношу морозы, но и моих друзей из местных, кто родился и вырос среди этих заснеженных гор и кто обычно очень гордится тем, что у них «очень долгие зимы». А когда они обращаются ко мне: «Ты же пишешь про природу, объясни, пожалуйста, когда закончится эта зима?» – так и хочется перевезти понятие зимы куда-нибудь в Кызылкумы, Каракумы или же в Африку.

И все-таки март есть март. Минуту назад я заметил, что столбик термометра понемногу поднимается, и на душе у меня стало тепло. Но тут же настроение падает, когда вспоминаю казахскую поговорку, суть которой сводится к тому, что пока не наступит апрель, не жди ничего хорошего. Смотрю в окно, стекла его начинают запотевать. Увидел, как сосед на площадке во дворе откапывает небольшую снежную горку, и обрадовался. В наших краях детские игровые площадки превращаются в зимние автостоянки, а занесенная снегом горка – это автомобиль, оставленный зимовать на такой стоянке. Если сосед начал откапывать машину – значит, открылись дороги за городом.

Пристально смотрю на телефон, который молчит вот уже несколько дней. Есть мысль рвануть в Тарбагатай, куда уже не раз приглашали по телефону мои друзья – путешественник Тугельбек и поэт Аримбек. Знаю, что даже если собрался в дорогу, не стоит заранее их предупреждать и беспокоить. Сейчас они наверняка с утра до вечера заняты тем, что очищают дворы от снега. Акжар, конечно, хорошо. Однако тут же отбросил эту мысль, когда вспомнил, что туда более пятисот километров, а самое главное, придется ехать через перевал Байбура, одно имя которого наводит ужас.

Есть у меня привычка – когда плохое настроение, все время озираюсь на телефон. Но он молчит.

Стук в моей груди не простой –
Давно нам уже не было так грустно.

Отчего же не спросят меня люди,
 Как же поживаешь ты, брат мой?
 Все ноет рана в моем сердце,
 Боюсь, не пришла ли мне пора?
 Боюсь и звука телефона,
 Вдруг это сообщение о чьей-то смерти.

Тишина вокруг, мертвая тишина. Вдруг со скрипом и воем ожил лифт. И я невольно смотрю на дверь.

Не везет мне в жизни, не везет,
 От безысходности плачу...
 Не придет никто из друзей,
 Чтобы позвонить мне в дверь нечаянно...

Похоже, в последнее время я слабею духом... Подхожу к молчащему телефону и поднимаю трубку. Подумал позвонить поэту Галыму, но вдруг почувствовал некую пустоту на сердце и на миг остановился. Да, есть же наш Копен, поэт Копен. Человек, который работает в управлении по чрезвычайным ситуациям, в такое время должен быть на месте.

– Сидишь?

– А что делать, конечно, сию. Пишу стихи...

– Прочитаешь?

– Прочитал бы, но стихи слишком длинные. Поэма-реквием... Называется «Гибель белых найманов»...

Смерть безжалостно рвет цветы жизни,
 Кто-то пошел с караваном, чтобы рассказать обо всем.
 Истребить всех, кто идет с караваном,
 Так же легко, как перебить мух...
 Степь обогрилась невинной кровью,
 Кто успел – спрятался в лощине, в овраге.
 А жертвы такой жестокости
 Остались лежать в море крови.

Чувствую, что поэт не скоро остановится. Голос у друга звонкий, как колокольчик. Разве таким звонким голосом читают грустные стихи?.. С обидой положил телефонную трубку.

Дольше уже не могу находиться в этой душной комнате. Копен на работе. Акжар далеко. Может, поехать в село Секисовку, которое почти рядом с городом?

Давно заметил за собой: если где-то нахожусь больше недели, меня начинает тянуть в дорогу. И потому, чтобы не успеть передумать, быстро начал собираться в путь. А во дворе сосед, вспотевший от непривычной работы, успел откопать лишь одну сторону снежной горки. В то же время он работает с большой осторожностью, чтобы не задеть лопатой и не испортить дорогой клад.

– Как дела, археолог?

Видимо, ему давно уже надоело это занятие, потому как он бросил лопату и обрушил на меня целый поток свежих новостей.

– В Зайсане упали цены на скот. За старого барана просят не больше трех тысяч.

– Почему за старого?..

– Ты разве не знаешь, что когда кончается корм, прежде всего, стараются избавиться от старых животных и сохранить молодняк...

В это время отчетливо определились очертания «дорогого клада», спрятанного под снегом. Я с удивлением посмотрел в лицо соседа – хозяина допотопной автомашины, носящей гордое имя «москвич», несмотря на то что собрана она из запчастей самой разной техники, и до сих пор верой и правдой служащей ему. Он, «москвичок», по большому счету, является единственным источником дохода всей семьи, он позволил своему хозяину пополнить ряды тех, кого кормит базар и кто получил статус так называемых «самозанятых»...

Где-то я слышал или читал о подобном, но никак не могу вспомнить. Если я что-то понимаю в жизни, то этот мой сосед не так уж прост, каким кажется.

Вспомнил наконец-то. В рукописях странника, Гребенщикова, написанных сто лет назад, встречаются слова, очень похожие на эти. Как там?.. «...Наконец, видя, что с застывших животных шкуры снимать трудно, что живых все равно ожидает неминуемая гибель, киргизы, чтобы спасти хоть кожи, стали убивать всех более слабых коров и лошадей дома, во дворах».

Да, точно так... Не только сто лет назад, но и сегодня в критические минуты приходится жертвовать голодными и беззащитными животными.

Мне очень понравилось, что мой сосед, в последнее время живущий за счет рыбы, которую привозят со стороны озера Зайсан, хорошо разбирается и в вопросах домашних животных. И все же не очень мне нравится, что от джута начала двадцать первого века, в первую очередь, страдает старшее поколение, вроде нас самих.

Спрашиваю у соседа, который так же, как и я, всю жизнь в дороге:

– Дорога... А как дорога?

– На Алматы дороги еще нет, а вот на Риддер уже открыта.

Алматы – на юге, Риддер – на севере. Почему первой открывается дорога на север, а не на юг?..

– А ты разве не знаешь, что все вопросы решаются наверху?.. – сосед посмотрел в небо.

Разумеется, я тоже знаю, что все вопросы решаются в верхах. Однако до сих пор не могу понять, где, в какой стороне эти верхи находятся...

3

То, что все вопросы решаются наверху, оказалось правдой. В этом я убедился, когда сел на центральный автовокзал в автобус, который выехал на автотрассу «Усть-Каменогорск – Риддер», ведущую на север. Дорога, по которой продукцию промышленности с севера везут в город, как оказалось, была приведена в отличное состояние. Лишь как отголоски уходящей суровой зимы – по обеим сторонам трассы, идущей среди густых деревьев, целые снежные горы.

Понимаю, что производство есть производство. В Секисовке, где добывают золото, меня поразила чистота на всех улицах этого небольшого поселка, от одного конца которого до другого можно пройти за очень короткое время. Все-таки молодец мой старый друг Сергей, аким села, – вовремя позаботился о том, чтобы убрать с улиц и во дворах снег.

Сергей оказался дома. Веселый такой, увидев меня, обрадовался еще больше. «А где мне быть, как не дома...» – от неожиданной радости он не знал, что предпринять. «Опять выпил?..» – «А что больше делать...»

Очень скоро в казане булькало мясо, из трубы баньки во дворе дома повалил густой дым. А это своего рода условный знак – и через некоторое время во двор начали подтягиваться наши общие друзья. Дальше понятно. «...Чья сегодня очередь?..»

Сидевший до этого молча в углу один из наших друзей – рыжеватый мужчина – улыбнулся и зашевелился. Встал и направился к своему дому на противоположной стороне улицы, который до того занесен снегом, что кажется просто огромным сугробом с черным провалом в том месте, где должен быть вход. Через некоторое время он вышел из дома с небольшим мешком в руках и направился в сторону пивной на трассе, соединяющей два производства.

Для меня здесь все давно уже стало знакомым и привычным. Каждый раз, когда я приезжаю, кто-то из друзей топит баньку. По очереди идут «на дело». А дело заключается в том, чтобы обменять у хозяйки пивной – молодой азербайджанки – отборную картошку на водку. Настоящий бартер девяностых годов. Полмешка картошки – три бутылки водки. Пропускать свою очередь здесь не принято. Спрашиваю друга – все-таки аким села: «...В ауле у вас никто не работает, а живут-то неплохо?..» – «Ты же тоже не богач, хотя работаешь в трех местах, а ночами все пишешь, как будто этого мало...» Конечно, я очень хорошо знаю не только то, почему я не разбогател, но и то, почему жители этого аула не работают.

Как я уже сказал, друг мой – деловой человек. Весной, несмотря на протесты двух-трех фермеров, проживающих в селе, он заставляет их вспахать участки всех жителей, площадью в тридцать-сорок соток каждый. На Алтае богаты не только недра. Почва здесь – настоящий гумус. Каждая семья на этих тридцати-сорока сотках осенью собирает по пятьдесят-шестьдесят мешков картошки. В каждом дворе минимум по две коровы или поросенка. После тщательного отбора часть картошки идет на корм живности, а другая, отборная – на прокорм всей семье долгой зимой. Свиньи, которые все лето питаются картошкой, не пригодной для людей, и остатками со стола, быстро набирают в весе. Одна свинья, откормленная таким образом, дает до ста килограммов жирного, полезного для здоровья человека мяса. Если кто-то позволит себе плохо высказаться о свинине, то пусть он будет побит любящими сало украинцами, в особенности теми представителями этого народа, которые любят подраться, например, братьями Кличко или Емельяненко. Обычно на зиму отдельно вялится сало, отдельно – само мясо. А зимой нет ничего приятнее поесть вареной свинины, а на масле подсолнечника, взятого на комбайне у фермера, поджарить яичницу или пирожки и лежать перед телевизором. Однако долго лежать тоже скука, и поэтому в такие зимние вечера обычно топится у кого-нибудь банька. А кто-то с отборной картошкой идет к азербайджанке, которой только это и надо. «...Так что сиди, пока сидится, и не перечь своим друзьям...»

Как обычно, при одном упоминании о бане все тело мое начинает зудеть. Скачивается и то, что около десяти дней безвылазно просидел я в своей квартире...

В итоге у гостеприимного друга я пробыл целых два дня и две ночи. Домой приехал только вчера, все меня раздражает, одним словом, настроение самое гадкое.

Понимая, что не скоро еще смогу вырваться на улицу, я включил телевизор. «...По данным департамента по чрезвычайным ситуациям, утром во вторник погода в Восточно-Казахстанской области резко изменилась, подул сильный ветер. В итоге жители двух городов и двадцати одного села двое суток сидели без электричества...» Дальше местное телевидение начало перечислять населенные пункты, оставшиеся без света. В памяти остались Сарыарка и Тарбагатай... Амангельды и Богенбай... Среди двадцати с лишним аулов, которые аккуратно перечислил ведущий, Секисовки и Верхней Катуня, населенной кержаками, не оказалось...

На улице холодно, а у меня в комнате тепло. От скуки в теплом помещении перебираю бумаги, пытаюсь просмотреть план-проект по итогам очередного своего путешествия, названного «Алтайский перевал». Если бы сейчас за окном

у меня мычал табун коров, требуя дойки, или отара овец, то какие могли бы быть еще бумаги...

А в это время мои друзья в Секисовке наверняка сидят у кого-то в парилке и, как всегда, травят анекдоты...

Сколько бы ни перебирал бумаги, сколько бы ни казалось понятным состояние людей, живших здесь сто лет назад, которые не знали, что такое скука долгой зимой, длившейся по полгода, вопросов без ответов еще хватает...

«ТОТ САМЫЙ ОТВЕТ» СТРАННИКА

Не заметил, как прошла неделя. Причина, наверное, в том, что за неделю съездил в Тарбагатай и Зайсан, а затем побывал в Алматы. Как бы ни было тяжело вновь покидать теплый город, окутанный в туман, не дает покоя мысль о прерванной работе по итогам экспедиции «Алтайский перевал».

На рабочем столе набралось писем из разных концов и приглашений на различные мероприятия. Несмотря на то что авторитет литератора и писателя в последние годы заметно упал, все еще жива традиция на свадьбах сажать поэтов на почетные места, спрашивать мнения у писателей. Перебрав все бумаги, решил, что первым делом нужно пойти на заседание городской ономастической комиссии.

Каждое посещение заседания ономастической комиссии для меня все равно, что просмотр зарубежного приключенческого фильма. Потому, что нелегкая это задача: при выборе названий для улиц и местностей учитывать мнение Усть-Каменогорска, где преобладает русское население, и Семей, где в основном живут казахи.

В таких случаях, если вы хотите быть подальше от скользкой политики, считайте, что вам повезет, если предложите называть улицы именами добродушных поэтов и иных «вечно ноющих» писателей – и вас услышат. Так было и на этот раз. Здорово споткнулся, предложив имя своего друга поэта Тургазы Нукая, который умер пять лет назад. С именем Кабанбай батыра тоже не было консенсуса. Лишь когда я предложил имя моего «странника, ищущего неведомое» – Георгия Гребенщикова, согласие сторон наконец-то было достигнуто.

В ходе прений один из уважаемых аксакалов, «съевший собаку в деле народного просвещения», вдруг спросил меня: «Понимаю, что нужно оказывать почести представителю великого народа... Однако неужели не нашлось ни одного представителя нашего народа, достойного, чтобы его именем назвали улицу, а ты почему-то хочешь отдать предпочтение им?...» Я не пошел на попятную, и тут же спросил: «Разве вы не знаете, что Гребенщиков – казах, и не просто казах, а из рода найман?...»

Говорят: «По незнанию можно выпить и яд, приняв его за воду». Как оказалось, столько лет проработавшему в сфере просвещения аксакалу были просто неведомы другие имена, кроме Алматы и Астаны, Абая и Ауэзова, что и заставило его здорово поволноваться. И все же растеряны были все члены ономастической комиссии – от приехавших со всей области аксакалов и карасакалов (уважаемых или знатных людей из числа более молодых) до наших наиболее активных братьев, «подающих большие надежды».

Почувствовав, что разговор угрожает перейти в несерьезную колею, вмешался председатель комиссии. «Для того чтобы оказать почести людям, которых население знает мало, сначала необходимо провести пропаганду их имени и творчества в печати, сформировать общественное мнение. И поэтому вопрос проведения пропаганды имени писателя поручим самим писателям, которые находятся в самой гуще таких событий».

Я не ребенок, чтобы не понимать, что «каждый должен печься о своей болячке». Сколько я выполнял поручений властей, однако не буду скрывать, что это задание мне пришлось по душе.

Итак, передо мной две цели. Первая – доказать причастность к нашим казахам «представителя великого народа» Георгия Гребенщикова. Вторая – освободиться от внутреннего сомнения через внутреннее осмысление различных разговоров вокруг имени «странника, ищущего неведомое». Да, освободиться от сомнения... Понимаю, что для этого необходимо начать издалека.

Творческое наследие «странника, ищущего неведомое», который наиболее плодотворные годы сознательной жизни провел на чужбине, разлетелось по самым различным уголкам земного шара, и не разлетелось даже – растерялось. В последние годы ряд его произведений собрала и хранит у себя семья Фирсовых из Барнаула (потомки главных героев Чураевской эпопеи – Фирсовых). У нас же в руках избранные произведения, увидевшие свет начиная с 1984 года на страницах местных изданий, но и они являются каплей в море общего наследия писателя, которое состоит из сорока томов. Так-то оно так, но тем не менее разве «запах моря нельзя уловить все по той же капле»?

Как бы ни хотел автор этих произведений пролиться на родную землю каплями дождя и просочиться в нее, а пришлось провести за рубежом, да и не просто за рубежом, а за океаном, сорок лет своей жизни. Да какие сорок лет... А двадцать лет, проведенных на Алтае на стыке двух веков, были полны тягостей, невзгод и мучений. Мало того что он родился и вырос в крестьянской семье и сполна испил горькую чашу крестьянской доли. На его беду невероятно тяжелым выдалось время, о котором сегодня мы говорим как о переходном периоде. Первая мировая война, в которой он участвовал с начала до конца... Годы Октябрьского переворота, разбросавшие на два берега общественного развития все живое на земле... В эти годы наш странник, путь которого был тяжелым, налаживал своего рода жизненную тропинку: получил начальное образование, сформировался как писатель, руководил изданиями просветительского и творческого направлений, поднялся на новый социально-бытовой уровень.

Дальше известно. Белые и красные. Богатые и бедные. Когда к власти пришли красные, руководил прииском на Алтае (в биографии Гребенщикова есть и такая страница). Какое направление в таком случае мог показывать компас его судьбы?.. На родной земле – бедствия и несчастье, на чужбине – жизнь мигранта, который каждый свой шаг делает, предварительно оглядевшись вокруг. Если верить тем данным, что у нас в руках, в годы Второй мировой войны, охватившей огнем полмира, Гребенщиков придерживался народно-патриотического направления. А после войны он не мог не почувствовать на себе давление империалистического общества...

Что интересно, у нашего «путника из чужбины» и личная биография состоит из переходных периодов, и творческая биография приходится на такой же переходный период. Сначала оттепель шестидесятых, когда писатель получил возможность печатать свои произведения на родине. Но на его пути встали холодная война, а затем период застоя. У путника, жизненный путь которого был не из легких, повидавшего на своем коротком веку феодализм, капитализм, социализм и империализм, необычайно тяжелым оказался и творческий путь. А в годы, когда развалилась могучая империя и каждая из вчерашних союзных республик выбрала свой путь дальнейшего развития, не нашлось страны, которая взяла бы на себя наследие писателя, родившегося в Казахстане, служившего в России, жившего в Европе, а похороненного в Америке.

Читая произведения Гребенщикова с целью познания мира писателя, видим, что и этот путь был полон трудностей и противоречий, что восемьдесят лет жизни писателя от ее начала до последнего момента были направлены на поиски не только своего пути Познания, но и своих Корней.

«...Мы пели непрерывно и каждый свою песню. Мы любовались всем, что нам встречалось. Мы любили всех и все на свете... и в особенности... самого доброго и самого заботливого киргиза-Тютюбая... Он так забавно лепетал по-русски, так смешно пел по-киргизски и так самоотверженно пас лошадей и седлал для каждого из нас утром новых...»

Этот заботливый Тотебай, когда-то седлавший коня для маленького Егорки, не мог знать, что Егорка превратится в большого писателя, а потом это будет странник с большим сердцем, который пойдет путешествовать по свету.

Разве настоящие качества человека не раскрываются в трудные моменты, когда на кону стоят его безопасность и благополучие? Если судить с точки зрения научного познания, можно допустить большую разницу между познанием природы и окружающей среды. Однако то, что такой подход никак не относится к детям матушки-природы – кочевникам, надо полагать, хорошо знал и Георгий Гребенщикова – сам потомок кочевников. В его рассказе «Каркаралинский мещанин», повествующем о происшествии, случившимся в годы Первой мировой войны, есть такие строки:

«...между тем Эмекей уже высокой нотой кричал, приказывая идти за ним. Дорогою он по-киргизски лепетал:

– Ему лень за лошадей ходить... Лень навоз убирать... Каждый день, каждый день он бьет лошадей... А ту, которую вчера лечил, другой бил... И третий бьет, которую завтра будешь лечить... Отдай всех лошадей мне, спать на буду, за всеми ходить буду, не давай в обиду лошадей... Пропадем без лошадей...

Это было так сильно и так трогательно, что у меня готовы были навернуться слезы...»

Создается впечатление, что этот самый Эмекей не кто иной, как сам заботливый Тотебай или его родной брат, о котором пишет писатель в своем произведении «Из моей жизни. Страницы биографии».

Любое из ранних произведений писателя полно жалости к кочевникам, лишенным в результате колонизаторской политики царской России не только привычного уклада жизни, но и традиций и обычаев и опускающимся в пропасть переменчивой жизни. Персонажи писателя, к которым обращена его жалость (согласно нормам научного коммунизма), не являются жертвами периода, переходного от феодализма к капитализму. Их судьба – результат человеческой жадности и насилия. Если судить о правде, описываемой в «Ханстве Батырбека», как художественном решении, она уточняется в этнографическом, документальном произведении писателя «Уба и убинские люди». И местные жители, терпящие насилие от царской колонизаторской политики, о которых говорится в произведении «Уба и убинские люди», и герои повести «Ханство Батырбека» Батырбек и Сарсеке, также ставшие жертвами той политики, не являются чужими писателю. Самое интересное, похоже на правду то, что основанием для этого произведения стала настоящая, подлинная история рода Гребенщиковых-Тарухановых.

«...Незадолго перед смертью он, по моей просьбе, написал мне бисерным красивым почерком, начавши письмо словами: “Милостивый государь Егор Дмитриевич”, относительно нашей родословной. Письмо, к сожалению, было очень сжатое и больше всего поразило меня тем, что, как оказывается, мой прадед был калмык, захваченный русскими охотниками в верховьях реки Бии вместе с целым табуном

лошадей и в качестве пленника доставленный в Сузунский завод Кузнецкого уезда. Ему было тогда не более десяти лет, его взял какой-то добродетельный рудокоп, крестил, выучил языку... Фамилию нашу мой прадед получил, видимо, от своего приемного отца...» – пишет Гребенщиков в своем произведении «Из моей жизни. Страницы биографии».

Наконец потомки Фирсовых в Барнауле выпустили сорокатомное собрание произведений Гребенщикова. А вскоре литераторы из Усть-Каменогорска Светлана Царегородцева и Ольга Тарлыкова опубликовали свои научные труды, посвященные творчеству писателя.

А продолжают молчать только свои...

В статье Светланы Царегородцевой, ведущей последовательное изучение творчества писателя, которая называется «Г. Д. Гребенщиков: грани судьбы и творчества», есть такие строки:

«...Григорий Гуркин и Георгий Гребенщиков были хорошо знакомы, они много общались, работая над изданием книг об Алтае и его культуре. Обоим родной и понятной будет кочевая культура. Г. Чорос-Гуркин владел алтайским языком, Г. Д. Гребенщиков хорошо знал казахский язык, свободно писал и говорил на нем. С увлечением они работали над книгой о Степи».

Эти примеры показывают плодотворную работу нашего странника на пути познания Языка и познания Сердца поэта, его чувств. Приводя этот пример, все же надеюсь, что судьба Гребенщикова, который свободно говорил и писал на казахском языке, станет уроком для многих, живущих сегодня, кто забыл свой язык и стал забывать о своей сущности.

А то, что писатель-странник, который отыскал-таки свои корни, находясь за океаном, в быту придерживался традиций кочевников и подписывал свои произведения как «Тарухан», тема для другого большого рассказа.

Таким образом, ответы на вопросы, оставшиеся в глубине сознания (среди них есть и вопрос аксакала из ономастической комиссии), дам не я, а сам писатель. Похоже, только теперь мы начинаем понимать, почему «странник, ищущий неведомое», искал тайные связи между небом и землей высоко в горах, а нашел в ковыльных степях.

...Само по себе является целой историей и то, как «странник, ищущий неведомое» пропал и как нашелся. Писатель, который более сорока лет своей жизни – если быть точнее, всю свою сознательную жизнь (настоящую и творческую) – провел на чужбине, к концу ее все свои силы стал прилагать для того, чтобы окончательно не потерять связи с родной землей.

Даниил Александрович, потомок А. П. Фирсова, послужившего прототипом главного героя десятитомной эпопеи «Чураевы», пишет: «В 1926 году в коммуну «Зарница» на месторождение Николаевское пришла бандероль с журналом «Зарница» в составе. На обложке журнала был напечатан портрет Георгия Дмитриевича Гребенщикова, а в самом журнале статья, рассказывающая о двадцатилетнем творчестве писателя. В бандероли также оказалось письмо с горячим приветом и деньги на «развитие»... До 1928 года из-за океана часто приходили такие посылки с деньгами, а также немногими историческими документами».

Странник, находясь на чужбине, просил деньги, высылаемые братьям на Алтае, использовать на возрождение и благоустройство территории вокруг источника, в последние годы уже начавшего иссякать. Сегодня родина Гребенщикова – рудник Николаевский Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области стал хвостохранилищем отходов иностранной компании, которой он принадлежит.

Но самое интересное и удивительное то, что из-под гор рудных отходов все еще продолжает бить источник, на возрождение которого из-за океана странник присылал деньги...

ЭПИЛОГ. ДОРОГА, КОТОРАЯ ПРИВЕЛА К ПОЗНАНИЮ

Чего много на Алтае – так это перевалов. Как говорит народ, «за перевалом – перевал». В самом начале их мог преодолеть только «самый-самый» из людей. Человеку, не видящему дальше своего носа, незачем так рисковать – идти тысячами петляющих тропинок, ведущих к горным вершинам, вдоль ревущих горных речушек, которые невозможно перейти.

Однако история человечества знает немало тех, кто в поисках мира Счастья прошел самыми невероятными путями. Не будем ходить далеко. Хватит и того, если вспомним нашего великого старца – Асан-Кайгы, который искал благодатную землю для потомков, и множество дервишей-скитальцев. Интересно, что никто из них не ставил целью удовлетворение низменных человеческих потребностей. И потому уместнее будет вопрос: что искали эти несколько отчаянных людей, пришедшие в мир путешественниками и ушедшие из него такими же.

Вполне закономерно, что у человека, который вначале ищет что-то ради удовлетворения своих потребностей, в конце возникает вопрос: «А почему?» То, что ответ на этот вопрос будет найден не тогда, когда увидишь своими глазами или потрогаешь руками, а лишь тогда, когда пропустишь его через свое сердце, видимо, хорошо знают люди творческие.

А как же наш «странник, ищущий неведомое»?

«...брожу я по степи, но будто я человек без имени и звания, извечно дремлющий с открытыми глазами, бесцельно блуждающий от дня творения по земле и ждущий пробуждения Бога, пробуждения всего, что сотворил Он.., ждущий воскресенья Жизни и славы ее Творца...»

Заслуживает внимания, что во внешнем оформлении домов поклонения, построенных на свои средства странником Гребенщиковым, который очень хорошо изучил нормы и правила традиционных религий, отразилась совокупность архитектур христианской церкви, буддистского монастыря и мусульманской мечети.

Человек, глубоко вникший в смысл самых ранних произведений Гребенщикова и поздних, которые он написал, находясь в европейских странах и за океаном, обязательно почувствует, что Познание «странника, ищущего неведомое» не укладывается в рамки традиционных религий. Начав свое первое путешествие по заданию Российского Географического общества исследованием правил и норм православной религии («Река Уба и убинские люди»), в один из дней писатель, подобно своему современнику Льву Толстому, не знал, что делать дальше. Но это тема для другого разговора.

Как закончилось путешествие Георгия Гребенщикова по пути религиоведения, можно почувствовать по мнению людей, проживающих за океаном. «Стиль его письма подобен переливающему свои воды источнику. Его можно сравнить с первой главой Библии или произведениями Гомера» (Лаура Абелл. США). Наверняка на земле есть горы выше Алтая и личности выше нашего «странника, ищущего неведомое». Однако, как оказалось, я не знал писателя, чьи произведения иностранцы сравнивали с главами Библии. Видимо, не зря говорили наши предки: «Идущему да повстречается добыча».

Если пролистать страницы далекой и близкой истории, среди путешественников найдем немало тех, кто перешел Алтай-Рубикон. А таких, как наш странник, который перешел моря и океаны, все-таки единицы.

В конце своего долгого и полного тяжелых испытаний путешествия, которое началось на Алтае, продолжалось в Сибири, России и Европе, «странник, ищущий неведомое» стал Гражданином Мира. Свой путь к Познанию он начал с четырехклассного образования, полученного на Алтае, а закончил в должности профессора в городе Лейкленд штата Флорида (США). Биография Гребенщикова, его широко известные и не имеющие аналогов произведения, философские искания говорят о том, что его путь Познания был более чем удачным.

Жаль, что сегодня среди нас нет человека, который бы прислушался к крику души странника, всю свою жизнь проведшего на чужбине и мечтавшего вернуться в родные края. В семидесятые годы республиканские литературные издания начали понемногу проявлять внимание к творчеству Георгия Гребенщикова (Тарухана), который родился на казахской земле и воспевал казахскую природу. Со временем его имя, известное не только на Алтае, но и среди кочевников, поднялось до мировых вершин и превратилось в Феномен Гражданина Мира... В советское время его называли предателем, подавшимся за бугор, в годы независимости казахи считали его калмыком, калмыки – русским, русские – американцем, и в конце концов его имя чуть было не утеряно навсегда...

Если и есть на земле нация, на долю которой выпали самые тяжелые испытания времени, наверное, это наши (да, наши!) калмыки... По воле судьбы сегодняшних потомков калмыков-торгаутов и калмыков-хошоутов можно найти в составе нескольких национальностей, среди них есть и казахи.

Думается, казахи, которые не как к чужаку отнеслись и к покорившему мир с помощью копья Чингисхану, наконец-то должны определить достойное место одному из своих Сыновей, покорившему мир с помощью пера...

* * *

...На Алтае, где зимы и без того длинные, в этом году снега было много. По каменистым холмам вдоль перевала Шешек постоянно дует прохладный ветер.

Пусть прохладно, но, похоже, этот ветер и есть Алтын курек – Золотое начало...

Уже немного осталось до того дня, когда начнет подтаивать глубокий снежный покров, почти прикрывший священный источник у подножия каменистых гор.

Недолго осталось и до того дня, когда вдоль Иртыша среди алтайских вершин потянутся перелетные птицы. И, подобно птицам, начнется возвращение в родные края и нашего «странника, ищущего неведомое»...

Скорее всего, с нами не заканчивается его история. Что плохого в том, что мы хотим видеть среди тех, кто возвращается в родные места, и Гражданина Мира, который всю свою жизнь посвятил поиску мира Познания...

Авторизованный перевод с казахского Казбека Ботаева

